

Цзюнь Цюлань почувствовал себя неловко под его пристальным взглядом.

Впрочем, взгляд этого ассистента отличался от того, каким на него смотрел режиссёр Ян — в нём не было ничего, что вызывало бы неприязнь.

— Что-то не так?

«Может, я плохо умылся после грима?»

— Нет-нет, — поспешно отмахнулся ассистент. — Просто редко встретишь таких красивых актёров.

Его собственный начальник был красив до неприличия, и ему, женатому гетеросексуалу, каждый день приходилось выдерживать этот удар по эстетическим чувствам. Неудивительно, что босс при приёме на работу ставил чёткое условие: ассистент должен быть женат и не иметь двусмысленных наклонностей.

Этот молодой человек тоже был весьма хорош собой. Но его красота не была пустой оболочкой — в ней чувствовались и порода, и характер. Такая внешность, безусловно, выигрышно смотрелась бы в исторических драмах. Впрочем, и в обычной футболке с брюками он выглядел вполне органично.

Номер находился на последнем этаже. Когда лифт тронулся, Цзюнь Цюлань ощутил лёгкое чувство невесомости и невольно вцепился в стену кабины.

«Я видел лифты в кино и знал, что в таких высоких зданиях они необходимы, но испытать это на себе — совсем другое дело».

Скорость поражала: всего за несколько мгновений они достигли верхнего этажа.

— Босс, я привёл актёра, — доложил ассистент, открывая дверь.

Цзюнь Цюлань и Янь Цзин на мгновение замерли, уставившись друг на друга.

Сегодня Янь Цзин был одет в чёрную рубашку. То ли от жары, то ли из-за непринуждённой обстановки две верхние пуговицы были расстёгнуты, открывая ключицы и часть груди. Рукава были закатаны, обнажая сильные предплечья. Этот образ, разительно отличавшийся от его обычной строгой элегантности, придавал ему вид дерзкого бунтаря.

Цзюнь Цюлань, поймав его взгляд, тут же посмотрел в сторону.

Ассистент, доставив гостя, тактично удалился. Его начальник был человеком высоконравственным и никогда бы не стал пользоваться служебным положением ради интрижек с актёрами.

Янь Цзин переводил взгляд с юноши на раскадровку сценария, лежавшую перед ним, и о чём-то напряжённо думал.

— Вы умеете танцевать? — неожиданно спросил он.

— Что, простите?

«Какой танец? Что танцевать? Правильно ли я его понял? Разве я сегодня пришёл не за тем, чтобы передать картину и каллиграфию? К чему здесь танцы?»

— Ничего, забудьте, — спохватился режиссёр. — Давайте посмотрим на вашу работу.

Цзюнь Цюлань протянул ему свиток.

— Я прислал вам фотографию. Если не понравится и захотите переделать, на это потребуется время.

— Очень хорошо, — Янь Цзин был более чем доволен.

Прежний веер, по его мнению, был грубоват, и он даже считал, что такая основа недостойна столь изящного рисунка и каллиграфии. Сегодняшний свиток был выполнен на обычной бумаге для рисования. Хоть и не высшего качества, но гораздо лучше, чем та поделка. Впрочем, это было неважно. Главное — сам рисунок и каллиграфия.

«Неужели он действительно научился этому сам, просто копируя работы мастеров?» — пронеслось в голове мужчины.

На этот раз на свитке стояла подпись — иероглиф «Лань», выполненный в древнем стиле чжуаньшу.

Янь Цзин долго любовался работой.

— Изумительный рисунок, прекрасная каллиграфия, — повторил он и тут же перевёл собеседнику 20 000 юаней.

— !!!

«Сегодня меня преследует это число».

— Это слишком много, — Цзюнь Цюлань отклонил перевод. — Тысячи будет достаточно.

За два свитка со стихами, но без рисунков, для дяди Хуа и дяди Вана он взял всего восемьсот. Этот поздравительный свиток был несложным, он управился меньше чем за час. Тысяча юаней — вполне справедливая цена.

— Разве тебе не нужны деньги? — поднял бровь Янь Цзин.

— Нужны, но я знаю цену своему умению.

Он видел работы современных каллиграфов и художников. Среди них были настоящие мастера, чьи произведения стоили целое состояние. Цзюнь Цюлань мог оценить их по достоинству и понимал, что, будь у него имя, он мог бы продавать свои труды за большие деньги. Но он не хотел спекулировать на таланте. Он видел, как в туристических местах художники, прикрываясь членством в каких-то ассоциациях, продают свои поделки за несколько сотен, а то и тысяч юаней. Настоящие же мастера редко выставляют своё искусство на продажу.

Янь Цзин усмехнулся. В его улыбке было что-то дьявольское, но глаза при этом оставались тёплыми. Впрочем, сам разрез глаз у него был хищным, пронзительным. Настоящий «благородный негодяй».

Цзюнь Цюлань мысленно хмыкнул.

Янь Цзин, как его и просили, перевёл тысячу юаней. На этот раз юноша принял платеж и в ответ отправил стикер с благодарностью. Он уже освоился в этом мире.

Увидев этот стикер в стиле «для тех, кому за пятьдесят», режиссёр снова улыбнулся.

— Покажите мне ваши руки.

— ???

«Что ещё за странности? — Цзюнь Цюланю на миг показалось, что его пытаются соблазнить».

— У одного знакомого актёра некрасивые руки, — пояснил Янь Цзин. — Ему нужен дублёр рук, который к тому же умеет обращаться с кистью.

Так вот в чём дело. Раньше Цзюнь Цюлань слышал о дублёрах, но думал, что они бывают только в боевых сценах, где требуются профессиональные каскадёры. Оказывается, и руки могут выполнять такую роль.

Он протянул руки. Они, без сомнения, были красивыми: с тонкими, длинными пальцами и чёткими суставами. Кожа от природы была светлой, и на предплечьях проступали синеватые вены.

Выражение лица Янь Цзина на мгновение изменилось.

— Вы не против, если я сфотографирую и отправлю ему?

— Не против.

«Человек предлагает мне работу, как тут можно быть против?»

— Присаживайтесь, подождём ответа. Вы ведь не торопитесь?

«Ещё как тороплюсь», — подумал Цзюнь Цюлань. Ему не терпелось узнать, как дела у его родителей. К счастью, обратно можно будет доехать на такси, это сэкономит время.

Янь Цзин заварил чай.

— Отдохните.

Юноша кивнул. Они виделись всего несколько раз и были едва знакомы. Он чувствовал, что за дружелюбием Янь Цзина скрывается дистанция — вежливость, продиктованная хорошим воспитанием. На первый взгляд режиссёр мог показаться холодным и неприступным, возможно, из-за своей резкой, хищной красоты. Но даже разговорившись с ним, можно было понять, что это лишь маска. Янь Цзин не был человеком, с которым легко сойтись.

Не успел он допить чай, как пришёл ответ.

— Я дам вам его контакт, он согласен, — Янь Цзин переслал ему визитку. — Нужно будет отснять сцены с дублёром рук для семи-восьми эпизодов. Всё сделают за один день. У вас получится выделить время?

Цзюнь Цюлань только что получил график съёмок «Стратегии наложницы сына». Хоть он и был предварительным, но давал хоть какую-то определённость.

— Нужно будет узнать, когда именно съёмки. Я сейчас занят в одном проекте, у меня там

небольшая роль, и мне нужно подстраиваться под их график.

— Понимаю, — кивнул собеседник. — Тогда договаривайтесь сами. Думаю, вы сможете найти компромисс.

— Благодарю вас, господин Янь.

Янь Цзин кивнул в ответ. Дела были сделаны, и Цзюнь Цюлань не стал задерживаться.

— Тогда я пойду. До свидания, господин Янь.

— До свидания.

Режиссёр проводил его взглядом, снова посмотрел на раскадровку и, что-то вспомнив, хмыкнул.

Выйдя из номера, Цзюнь Цюлань задумался. Ассистент Янь Цзина, похоже, принял его за актёра, пришедшего на пробы. И сам Янь Цзин первым делом спросил его о танцах. Может, у него и вправду была для него подходящая роль? Не массовка, а настоящий персонаж, с именем и репликами. Разница в доходе, как он уже успел убедиться, была колоссальной.

Впрочем, он решил не навязываться. Раз Янь Цзин ничего не сказал, значит, так нужно. К тому же, танцевать он всё равно не умел. В его мире существовал обычай «танца для услады родителей», но его отношения с императорской семьёй никогда не были достаточно близкими для подобных проявлений.

Спустившись вниз, Цзюнь Цюлань, всё ещё под впечатлением от чудесного механизма лифта, увидел, что Ян Чжун по-прежнему сидит в холле. Он попытался пройти мимо, не привлекая внимания, но тот преградил ему путь.

— Красавчик, так быстро управился? — его тон был откровенно пошлым.

— Прощу прощения, у меня дела, — холодно ответил Цзюнь Цюлань и попытался его обойти.

— У меня есть для тебя отличная роль, — усмехнулся Ян Чжун. — Гонорар — пятьсот тысяч. Как тебе? Обсудим?

Сумма в пятьсот тысяч заставила Цзюнь Цюланя остановиться.

«Если я получу пятьсот тысяч, то при нынешней покупательной способности этого мира и наших потребностях, мне, пожалуй, не придётся работать всю оставшуюся жизнь. Этих денег

вполне хватит, чтобы семья жила в Пограничном городе в полном достатке».

Но бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Он колебался лишь мгновение, прежде чем обернуться.

— Каковы условия?

Взгляд Ян Чжуна стал сальным.

— Условия? Для начала мне нужно оценить твоё актёрское мастерство. Пойдем ко мне в номер, проведём пробы.

Этот взгляд был слишком хорошо знаком Цзюнь Цюланю. В ссылке ему не раз приходилось защищать сестру от таких вот похотливых глаз. Он не ожидал, что столкнётся с этим сам. Он знал о мужской любви и сам был не чужд ей, но уж точно не с таким человеком.

— Боюсь, я не подхожу для вашей роли.

С этими словами он развернулся, чтобы уйти. Но режиссёр Ян был из тех, кто не привык к отказам. Он махнул рукой, и дорогу юноше преградили четыре телохранителя в чёрном.

— Теперь мы можем поговорить?

— Господин Ян, вы ведёте себя недостойно, — нахмурился Цзюнь Цюлань.

— Я предлагаю тебе хорошую роль, а ты ломаешься, — усмехнулся толстяк, и его живот затрясся от смеха. Он кивнул охране, и те двинулись к юноше.

За всё время в этом мире Цзюнь Цюлань впервые столкнулся с такой откровенной мерзостью. Даже актёр, пытавшийся выжить его со съёмок, теперь казался мелким пакостником. Этот же человек был настоящим отродьем, готовым применить силу.

«Разве это не правовое государство? Неужели здесь нет законов?»

Он не хотел ввязываться в драку, но когда один из громил протянул руку, чтобы схватить его, Цзюнь Цюлань взмыл в воздух и нанёс удар ногой. Телохранитель отлетел на три метра.

— Ого, да ты с характером, — недовольно протянул Ян Чжун. — Взять его.

Этот парень был хорош собой, молод — как раз в его вкусе. Судя по одежде, какой-то безродный актеришка из массовки. Пятьсот тысяч — это щедрое предложение. Будь он

посговорчивее, можно было бы и другие ресурсы ему подкинуть. Но юноша оказался строптивым. Что ж, тем интереснее будет увидеть на этом гордом лице мольбу о пощаде.

Цзюнь Цюлань окинул взглядом охранников, затем Ян Чжуна. Миром это дело, похоже, не решить.

Янь Цзин, спустившийся в холл, застал картину, как Цзюнь Цюлань в одиночку противостоит четверым, ничуть не уступая им в силе. Телохранители оказались совершенно беспомощны. Охрана отеля пыталась вмешаться, но не знала, с какой стороны подступить.

«В даосских храмах учат тайцзи и другим оздоровительным практикам, я об этом знал. Но разве там обучают таким боевым искусствам, которыми можно едва ли не убить?»

Янь Цзин видел, что Цзюнь Цюлань сдерживается. Его удары были точными и сильными, но он не калечил противников, лишь выводил из строя. Лицо юноши было холодным, и от этого вида у режиссёра почему-то потеплело на душе.

— Звони в полицию, — бросил он ассистенту.

Тот поспешил исполнить приказ. Янь Цзин спокойно подошёл к месту потасовки.

— Что здесь происходит?

Ян Чжун хотел было огрызнуться, но, увидев, кто перед ним, лишь скривился в ещё более мерзкой ухмылке.

— А, это вы, режиссёр Янь. Я всего лишь хотел пригласить этого юношу обсудить роль, а он почему-то рассердился. Может, вы, как профессионал, присоединитесь к нашему обсуждению?

В его тоне сквозило откровенное пренебрежение.

Говорят, когда человек доходит до крайности, он начинает смеяться. Ассистент, увидев улыбку на лице своего начальника, понял: этому типу конец. Мало кто в индустрии знал о настоящем статусе Янь Цзина, но тот факт, что его дебютный фильм был крупнобюджетным проектом, должен был навести умных людей на мысли. Но всегда находились идиоты.

— Вы спустились? — Цзюнь Цюлань перевёл дух. — Ведь за такое можно вызвать полицию? Они пытались меня похитить.

Янь Цзин взглянул на его растрепавшиеся волосы.

— Да, я уже вызвал. Что случилось? Как ты с ним связался?

Юноша в двух словах обрисовал ситуацию. Взгляд Янь Цзина, обращённый на Ян Чжуна, стал ледяным. В шоу-бизнесе всякое бывало, и если что-то происходило по обоюдному согласию, это его не касалось. Но таких людей он презирал. Он слышал об этом человеке и раньше: большие связи и грязная репутация. Но он не думал, что тот настолько нагл, чтобы нападать на людей среди бела дня.

— Не волнуйся, я всё улажу. Когда приедет полиция, просто расскажи всё как было, — он попытался успокоить юного даоса.

— Спасибо, господин Янь, — Цзюнь Цюлань чувствовал лишь отвращение и досаду.

— Не стоит. Мой дедушка Янь был знаком с твоим мастером.

При этих словах Янь Цзин вдруг осознал, что они с Цзюнь Цюланем, получается, принадлежат к разным поколениям.

Полиция приехала быстро. Для дачи показаний нужно было проехать в участок. Цзюнь Цюлань с любопытством осматривался: он впервые оказался в правоохранительном учреждении этого мира. Оно разительно отличалось от ямэня в Дашэн. Все были одеты в одинаковую форму, сновали туда-сюда, и никто не грозил бамбуковыми палками пришедшим с жалобой.

Показания у него принимал молодой офицер. Цзюнь Цюлань рассказал всё как было. Поскольку имела место драка, требовалось провести расследование, и его попросили подождать. Янь Цзин сделал один звонок, и дело пошло гораздо быстрее.

Выходя из участка, Цзюнь Цюлань всё ещё чувствовал себя как во сне. У входа их ждал ассистент Яо на машине.

— Босс, господин Цзюнь.

— Садитесь, я вас отвезу.

— Спасибо, — снова поблагодарил Цзюнь Цюлань. Сев в машину, он спросил: — А что будет с тем, по фамилии Ян?

— Дело серьёзное, но неоднозначное, — подумав, ответил Янь Цзин. — Мои люди проследят за развитием событий. Тебе больше не о чем беспокоиться.

Если бы юноша занимался этим сам, его могли бы обвинить в клевете. Режиссёр чувствовал свою ответственность, ведь именно он попросил привезти свиток.

Цзюнь Цюлань вздохнул. Не день, а сплошные приключения.

— В шоу-бизнесе всякое бывает, — продолжил Янь Цзин. — Ты спустился с гор, многого не знаешь. Но главное — в любой ситуации обращайся в полицию и не изменяй своим принципам ради сиюминутной выгоды.

— Вы тоже сталкивались с подобным? — неожиданно спросил Цзюнь Цюлань.

Янь Цзин на мгновение замер. Ассистент Яо за рулём едва сдержал смехок. Этот юноша, очевидно, не имел представления о статусе его начальника. А ведь несколько лет назад, когда босс искал инвесторов, не желая помощи семьи, один из них попытался применить те же грязные трюки. Кончилось тем, что тот инвестор бесследно исчез — по слухам, до конца своих дней будет шить рукавицы на государственном заводе. Ян Чжуна, без сомнения, ждала похожая участь.

Видя, что Янь Цзин молчит, Цзюнь Цюлань мысленно усмехнулся. В Дашэн он часто видел, как знатные господа силой умыкают простолюдинок. Но чтобы в этом новом мире, да ещё и мужчину... Насколько же здесь терпимо относятся к мужской любви? А здесь, оказывается, можно среди бела дня похитить мужчину, и никто этому особо не удивляется.

— Вот здесь, — сказал Цзюнь Цюлань, когда они подъехали. Он вышел из машины. — Спасибо вам за всё, господин Янь. Если вы не против, я в другой раз напишу для вас ещё один свиток.

— Хорошо, — чуть приподняв бровь, ответил тот.

За всеми этими событиями Цзюнь Цюлань проголодался. Но время было позднее, нужно было спешить домой. Родители, должно быть, уже вернулись от Су Чансюня.

Он быстро переоделся в своей съёмной комнате и вернулся в деревенский домик. Открыв глаза, Цзюнь Цюлань услышал голоса из комнаты. На этот раз он не стал врывать. Дверь была закрыта. Он прислушался и похолодел.

Учитель Су снова был здесь.

Цзюнь Цюлань запаниковал. Скорее всего, тот пришёл навестить больного. Родители не смогли его остановить, а не застав сына в комнате, наверняка придумали какую-то отговорку.

«Ну что за день! Если бы я не задержался в городе, ничего бы этого не случилось».

При мысли об этом он снова ощутил волну отвращения к Ян Чжуну. Единственный выход — вылезти через окно и сделать вид, что он только что вернулся. К счастью, годы обучения не прошли даром: он был не только учёным, но и сильным. Вылезти в окно, не издав ни звука, для него было пустяком.

Он не пошёл сразу к дому, а со всех ног бросился к деревенскому лекарю и купил у него два пакета трав от простуды. Возвращаясь, он бежал так быстро, что щеки его покраснелись, а ноги подкашивались. Теперь он и вправду выглядел больным.

Прокашлявшись, он вошёл в дом.

— Отец, матушка. — Он снова закашлялся. — Учитель, почему вы снова здесь? Я простудился и не хотел заразить вас. Прошу прощения.

Цзюнь Юй и Сун Сижун с облегчением переглянулись. Сегодня они намеренно пришли к Су Чансюню с опозданием, чтобы новость о внезапной болезни сына выглядела правдоподобнее. Услышав о недуге, учитель очень встревожился, но его отговорили, сказав, что это обычная простуда.

Тот было успокоился, но днём слуга принёс весть, что в городе, возможно, началась эпидемия, и всех лекарей созвали в управу. В этих краях, если начнется мор, помощи от властей ждать не приходилось. А если болезнь перекинется на военный гарнизон, мира не будет.

Тут уже забеспокоились все. Су Чансюнь настоял на том, чтобы пойти с ними. Они пытались его отговорить, но тот был непреклонен и даже собирался послать за опальным придворным лекарем, сосланным в эти края. Лишь после долгих уверений, что это всего лишь лёгкое недомогание, он отказался от затеи, но захотел лично убедиться в безопасности ученика. Пришлось вести его к себе, а там — сына нет. Пришлось снова выкручиваться, говорить, что он пошёл к лекарю.

К счастью, Цзюнь Цюлань вошёл в дом с двумя пакетами трав в руках.

<http://bllate.org/book/15876/1442943>